

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА «ЧЕРНОГО МОНАХА» А. П. ЧЕХОВА

На наш взгляд, повесть Антона Павловича Чехова «Черный монах» можно истолковать как философское произведение, в котором выражено авторское понимание смысла человеческой жизни. При этом мы опираемся на определение философского метажанра, предложенное Майей Аркадьевной Бенькович, она определяет его структуру «отвлеченной идеей, которая может быть воплощена в притче, аллегории, мифологеме, в характере героев, их спорах, размышлениях, судьбах» [3, 3]. При этом исследовательница ссылается на В.В. Аганесова, по мнению которого «жанрообразующей особенностью философского романа является художественное изображение субстанциальной идеи на всех уровнях произведения». М.А. Бенькович пишет: «Именно вопрос о соотношении образного и понятийного начал принципиально важен для жанровой атрибутики [3, 3]. Поэтому к разряду философских произведений она относит те, в которых «отвлеченная проблема общечеловеческого масштаба ставится, осмысливается или разрешается в процессе сублимации всех внутренних ассоциативных связей художественной структуры» [3, 4]. Те

проблемы, к решению которых привлекает своего читателя А. П. Чехов в «Черном монахе» (судьба, смысл существования), так или иначе выводят нас на уровень отношений «человек – мир», «отдельный человек – все человечество», «единичное – универсальное», которые, в свою очередь, являются базовыми в философии. «Даже в учебной литературе считается, – замечает В. П. Барышков, – что сущность философии – в размышлениях над всеобщими проблемами в системе «мир – человек» [2, 60]. Принцип «человек – мир» представляет собой антропологическое основание онтологии, так как его решение предполагает выход на мировоззренческие, ценностные (аксиологические) аспекты. Мир выступает как объективное бытие. Человек ищет свое место, свою роль в этом бытии, становится его частью. Соответственно, он должен познать этот мир. При этом особое значение приобретает такая универсальная категория, как «культура».

Одной из знаковых констант русской культуры Нового времени, приблизительно с первых десятилетий XIX века становится «гений». На наш взгляд, А.П. Чехов в значительной степени опирался на тот смысл, который приобрела эта константа в эстетике романтиков. По наблюдению Анастасии Валентиновны Попович, понятие «гений», функционирующее изначально в виде мифологемы, развивается, «расширяет свое семантическое поле, в итоге результируясь в осмыслении «гения» как эстетико-философской идеи» [9, 172]. В эпоху античности, отмечает исследовательница, в феномене гения слились греческие мифологические представления о «некоей неопределенной и неоформленной божественной силе, часто определяющей жизненную судьбу человека, о низшем божестве-посреднике между богами и людьми. Позже, в XVII-XVIII века представление о гении, кроме проявления божественного, вбирает в себя и обозначение высшей творческой способности самого человека. «Возникает, – пишет А. В. Попович, – представление об индивидуальном и оригинальном (первозданном) Гении, который создает правило, а затем следует ему» [9, 173]. Сошлемся на некоторые высказывания авторов работ по эстетике относительно содержания понятия «гений». Якоб Михаэль Рейнхольд Ленц в «Замечаниях о театре» (1774) отнес к гениальности особую способность одним взглядом проникнуть в «сокровеннейшую природу всех существей». «Мы, – писал этот немецкий автор, – называем гениями (Genies) те головы, которые так проникают (durchdringen) во всё, с чем имеют дело, так видят все насквозь (durchunddurchsehen), что их знание обладает той же ценностью, обширностью, ясностью, как если бы они получили его в непосредственном видении ... или благодаря всем органам чувств». Другой мыслитель, Вильгельм Хейнзе, сравнил гения с Богом [5, 272]. Идеи немецкого Просвещения относительно понимания гениальности были развиты в эпоху романтизма. Именно романтическая лексика («избранник», «вечное», «гений») составляет основу высказывания в повести А. П. Чехова черного монаха, обращенного к Коврину и призванного открыть тому суть его предназначения. «Ты, – говорит он Коврину, – один из тех немногих, которые по справедливости называются избранниками Божиими. Ты служишь вечной правде. Твои мысли, намерения, твоя удивительная наука и вся твоя жизнь носят на себе божественную, небесную печать, так как посвящены они разумному и прекрасному, то есть тому, что вечно» [10, VII, 304]. Говоря это, черный монах старался укрепить Коврина в вере в то, что тот гений, и не бояться этого. Гениальность Коврина заключается в том, что он – «познающий субъект», а, значит, «избранник Божий». Поскольку «вечная жизнь» представляет бесчисленные и неисчерпаемые источники для познания, а цель ее – наслаждение познанием («Истинное наслаждение, – сообщает черный монах, – в познании, а вечная жизнь представит бесчисленные и неисчерпаемые источники для познания»), черный монах пытается вложить в Коврина уверенность в возрастании роли и значения таких, как

он, ученых, то есть «познающих субъектов», служащих, в отличие от проникнутых мелочными обыденными заботами «стадных» людей, вечной правде. Уже в первую их встречу Коврин узнает от монаха о своем предназначении. «Вас, людей, – говорит тот ученому, – ожидает великая, блестящая будущность. И чем больше на земле таких, как ты, тем скорее осуществится это будущее. Без вас, служителей высшему началу, живущих сознательно и свободно, человечество было бы ничтожно; развиваясь естественным порядком, оно долго бы еще ждало конца своей земной истории. Вы же на несколько тысяч лет раньше введете его в царство вечной правды – и в этом ваша высокая заслуга. Вы воплощаете собой благословение божие, которое почилло на людях» [10, VII, 304]. При этом, как нам представляется, А. П. Чехов включается в диалог с художниками, обратившимися к проблеме природы человечества. Среди наиболее близких ему по времени создания произведений – Ф. М. Достоевский и А. И. Куприн. В нескольких романах Ф. М. Достоевского идет речь об идее, овладевшей его героями, относительно категорий, на которые могут быть разделены люди (Раскольников, Шигалев, Иван Карамазов), на «особенных» и «материал». «Особенные», по словам героя поэмы Ивана Карамазова Великого Инквизитора, берут на себя ответственность за людей, забирая у них свободу, которую те кладут к их ногам в обмен на «хлеб насущный». Однако, как правило, в романах Ф. М. Достоевского такая идея терпит крах. Возможно потому, что предполагает отчуждение «необыкновенных» от остального человечества, противопоставление ему своей индивидуальной воли. Несколько иначе идея особенных людей выражена у А. И. Куприна. Сознавая, что любовь к человечеству вытравилась из сердец людей, Назанский в «Поединке» противопоставляет ей любовь к себе как божеству. Это любовь к себе, к своему прекрасному телу, к своему всесильному уму, к бесконечному богатству своих чувств. «Нет, подумайте, подумайте, Ромашов: кто вам дороже и ближе себя? Никто. Вы – царь мира, его гордость и украшение. Вы – бог всего живущего. Все, что вы видите, слышите, чувствуете, принадлежит только вам. Делайте, что хотите. Берите все, что вам нравится. Не страшитесь никого во всей вселенной, потому что над вами никого нет и никто не равен вам. Настанет время, и великая вера в свое Я осенит, как огненные языки святого духа, головы всех людей, и тогда уже не будет ни рабов, ни господ, ни калек, ни жалости, ни пороков, ни злобы, ни зависти. Тогда люди станут богами. И подумайте, как осмелюсь я тогда оскорбить, толкнуть, обмануть человека, в котором я чувствую равного себе, светлого бога? Тогда жизнь будет прекрасна. По всей земле воздвигнутся легкие, светлые здания, ничто вульгарное, пошрое не оскорбит наших глаз, жизнь станет сладким трудом, свободной наукой, дивной музыкой, веселым, вечным и легким праздником. Любовь, освобожденная от темных пут собственности, станет светлой религией мира, а не тайным позорным грехом в темном углу, с оглядкой, с отвращением. И самые тела наши сделаются светлыми, сильными и красивыми, одетыми в яркие великолепные одежды. Так же как верю в это вечернее небо надо мной, – воскликнул Назанский, торжественно подняв руку вверх, – так же твердо верю в эту грядущую богоподобную жизнь!», - восклицает он. Как видим, представления Назанского об избранничестве и гениальности каждого не исключают возможности гармонии внутри человечества будущего. Другое дело, что они абстрактны, а потому ни ему самому, спивающемуся человеку, ни Ромашову помочь не могут.

То, что говорит о человечестве Коврину черный монах, во многом напоминает размышления героев Ф. М. Достоевского об особенных и обыкновенных людях, поскольку содержит противопоставление гениев здоровым, нормальным заурядным стадным людям. Однако при этом не исключается возможность участия избранников в общей жизни. Та

картина будущего процветания человечества, состоящего из светлых, сильных и красивых, одетых в яркие великолепные одежды людей, которую рисует Ромашову Назанский у А. И. Куприна, в конечном итоге, окажется возможной, судя по словам черного монаха, у А. П. Чехова при условии, что подобные Коврину гении будут следовать своему призванию, будут готовы умереть для общего блага. В противном случае, Коврин не состоится как личность. «Если хочешь быть здоров и нормален, иди в стадо», – рекомендует ему черный монах [10, VII, 305]. Итак, на первый план выходит еще одна категория, позволяющая судить о «Черном монахе» А. П. Чехова как философском произведении, – «судьба», «предопределение».

Идея судьбы зародилась в глубокой древности. Представление о судьбе, как о божественном волеизъявлении, определяющем всю жизнь человека, было уже у шумеров и аккадцев, которые вместе с рядом других народов представляли культуру Двуречья. В их понимании судьбы преобладала личностно-волюнтаристическая концепция. То есть судьба в восприятии этих народов – это повеление, установление одного или нескольких богов. Другая концепция судьбы, безлично – фаталистическая, также была представлена у народов Месопотамии. Она заключалась в признании судьбы как безличной необходимости, высшего закона.

Понимание людьми судьбы воплотилось и в эпических произведениях. Жажда изменить судьбу, сделать человека бессмертным и прославиться представляет собой суть поступков героя, пожалуй, самого раннего в истории культуры эпоса о Гильгамеше. Вопросы судьбы человека и его предназначения часто ставились в качестве ключевых и в произведениях классической русской литературы. Например, в «Сильфиде» Владимира Фёдоровича Одоевского, которая во многом близка «Черному монаху». Их объединяет лежащая в их основе антитеза необыкновенной личности толпе, понимание в них связи между категориями «гений» и «безумие», неоднозначность толкования безумия и как психического заболевания, и как прорыва к неведомым доселе человечеству универсальным тайнам мироздания. Сближает их и попытка человека найти смысл существования в служении субстанциальным, общечеловеческим целям. Оба главных героя осознают собственное избранничество. Во время «болезни» (именно так оценивают их состояние окружающие) они чувствуют себя счастливыми и полными сил, находят в себе способности изменить мир к лучшему. Например, Михаил Платонович, центральный персонаж «Сильфиды», жаждет создать новый вид искусства: «А может быть, я художник такого искусства, которое еще не существует, которое не есть ни поэзия, ни музыка, ни живопись, – искусство, которое я должен был открыть и которое, может быть, теперь замрет на тысячу веков: найди мне его! Может быть, оно утешит меня в потере моего прежнего мира», – говорит он уже после выздоровления [8, II, 125]. Что же касается Коврина, то для него весь мир предстает как бы впервые, в новом облике. Все вокруг кажется ему наполненным любовью, энергией. Он не обращает внимания на жалобы Песоцкого на работников, на общую сутолоку. Он работает «с прежним усердием» [10, VII, 309]. «Быть избранником, служить вечной правде, стоять в ряду тех, которые на несколько тысяч лет раньше сделают человечество достойным царствия божия, то есть избавят людей от нескольких лишних тысяч лет борьбы, греха и страданий, отдать им все – молодость, силы, здоровье, быть готовым умереть для общего блага, – какой высокий, какой счастливый удел!», – думает он » [10, VII, 309]. В обоих произведениях есть персонажи, которые способствуют тому, чтобы герои излечились и вернулись к реальности. После чего их жизнь становится серой, они погружаются в обыденность.

Схожие мотивы можно заметить и в повести Александра Ивановича Куприна «Звезда Соломона». Писатель размышляет о предназначении человека, о его жизненных целях и о том, как он использует данные ему возможности для их достижения. Сюжет этого произведения также можно сравнить с сюжетом «Черного монаха». Главный герой, Иван Степанович Цвет, описан как неординарная личность. Ему свойственна особая «душевная простота», несколько наивный взгляд на мир. Эти качества помогают герою, при его невысоком положении в обществе и скромном заработке, быть довольным жизнью, избежать духовной деградации. Поэтому он, несомненно, является положительным персонажем. Правда, круг его интересов, содержание жизни узки. В их описании слишком часто используются слова с уменьшительным суффиксом: «У него был малюсенький, но чистенький, свежий и приятный голосок, так себе, карманный голосишко, тенорок-брелок... Комнатка... у матери – домишко... Была у него одна невинная страстишка...» [6, VII, 43]. И все же нельзя сказать, что интересы Ивана Степановича были ничтожны. На самом деле он мечтал вернуть мир к состоянию золотого века, первозданной идиллии: «Я хотел, чтобы был большой сад... и в нем много прекрасных цветов. И многое множество всяких птиц, какие только есть на свете, и зверей... И чтобы все ручные и ласковые. И чтобы мы с вами все там жили... в просторе, дружбе и веселости... Никто бы не ссорился... Детей чтобы был полон весь сад... и чтобы все мы очень хорошо пели... И труд был бы наслаждением... И ручейки разные... рыба пускай по звонку приплывает...» [6, VII, 52]. Однажды у главного героя появляется возможность претворить эту мечту в реальность. Он отправляется в деревню, где ему становятся доступны тайные знания. Кроме того, там ему является представитель потустороннего мира. Этот дух открывает главному герою новые возможности, дает шанс воплотить идиллическую мечту в реальность. Однако главный герой в конечном итоге отказывается от своего дара.

Возможно, интерес к проблеме судьбы и А.П. Чехова, и А.И. Куприна был связан с их личностью, возможно, еще с какими-то факторами. Но на наш взгляд, в значительной степени он был обусловлен характером эпохи, к которой они принадлежали. Время, в которое жили эти писатели, характеризуется особенно стремительными изменениями во всех сферах жизни общества. Г.П. Бердников пишет об этом так: «Эпоха 1862 – 1904 годов, пореформенная и дореволюционная, была периодом острой ломки старых, «переворотившихся» феодально-крепостнических порядков и «укладывания» нового, буржуазного строя в России. <...>Этот процесс «укладывания» нового, буржуазного строя вызвал болезненную ломку не только сложившихся экономических и социальных отношений, но и мировоззрения самых широких масс, породил огромное количество чрезвычайно острых вопросов, ставших достоянием русской общественной мысли, а вместе с тем и русской литературы второй половины XIX века» [4, 323]. Среди таких вопросов был и вопрос о том, насколько человек может влиять на свою судьбу и судьбу человечества. Так как в столь нестабильный период многие стремились изменить жизнь, надеялись на ее преобразование, искали новые идеалы, эту тему, на наш взгляд, затрагивает и А. П. Чехов в повести «Черный монах».

Постараемся понять, почему такая судьба избранника оказалась невозможной для его героя.

Мнения ученых – литературоведов по этому поводу расходятся. Исследователей «Черного монаха» можно условно разделить на три группы: «песоцкистов», «ковринистов» и тех, кто придерживается, так называемого, «примирительного» направления. Первая группа ученых считает, что в повести Чехов развенчивает образ лжегения Коврина и возвышает простых,

бесхитростных людей – Таню и Егора Песоцких. К таким исследователям относится З. С. Паперный.

Другой точки зрения придерживался В. И. Кулешов. В книге «Жизнь и творчество А. П. Чехова» ученый утверждал, что высокая миссия не была выполнена Ковриным только потому, что оказалась слишком нереальной для обычной жизни.

В интерпретации В. Я. Линкова, болезнь Коврина – это «проявление неудовлетворенной духовной потребности человека постичь смысл жизни» [7, 341]. По его мнению, Коврин, являясь очень восприимчивой личностью, ушел в мир иллюзий, придумал для себя смысл существования, так как не смог найти его в реальной жизни. Другой современный исследователь, Э. С. Афанасьев, считает, что Коврин, страдавший манией величия, принял на себя роль, которой не соответствовал [1, 153].

Нам кажется, что гениальность Коврина не стоит ставить под сомнение. В тексте произведения существуют основания допустить ее наличие. Суть заключается в том, что он оказался ниже своего предназначения, испугался его. Вернемся к высказываниям немецких философов о гениальности. Для одного из них, Генриха Вильгельма фон Герстенберга, гениальность – это «жар», «мощь», «приковывающая сила», «необоримый поток вдохновения». Сравнивая гения и талантливую личность, он писал: «Талант может быть похоронен, когда у него нет возможности пробиться; гений прорывается через все препятствия» [5, 272]. Что же касается Коврина, то он проявил малодушие. В какой-то момент в его беседах с черным монахом, кроме одухотворения сознанием своего избранничества, он стал высказывать и опасения. Так, к примеру, ему было странно, что он все время переживает радость, он забыл, что такое «грусть, печаль или скука» » [10, VII, 311]. Хотя и шутя, он признался в том, что боится потерять комфорт. «Вдруг прогневаются боги?» – спросил Коврин монаха. Самый же сильный страх в нем вызвало предположение Тани о его нездоровье. И он вслед за ней готов был признать, что «немножко нездоров». «Для него, – сообщает повествователь, – теперь было ясно, что он сумасшедший» » [10, VII, 312]. Он стал лечиться, и его жизнь погрузилась в обыденность. Поэтому укор монаха, который герой слышит, умирая, вполне заслужен: «Отчего ты не поверил мне? – спросил он с укоризной, глядя ласково на Коврина. – Если бы ты поверил мне тогда, что ты гений, то эти два года ты провел бы не так печально и скудно» [10, VII, 320].

Ответить на вопрос, была ли это лишь мания величия, или Коврин и в самом деле был рожден для великой судьбы, но испугался грандиозности своего предназначения, невозможно однозначно. Как невозможно однозначно толковать и образ самого черного монаха. Но один из вариантов толкования, который мы предлагаем, рассматривая повесть А. П. Чехова как философское произведение, заключается в том, что избранник не должен пугаться своей необычности, того, как на него смотрят окружающие. Он должен быть уверен в себе, несколько переиначивая слова автора повести, ему для осуществления субстанциальной задачи необходимо выдавить до последней капли из себя страх отделиться от стадных людей. Причина поражения Коврина – в непоследовательности его поведения после того, как он узнал о своем предназначении.

Выводы. Проанализировав повесть «Черный монах», мы пришли к выводу, что в этом произведении изложено авторское понимание судьбы. А. П. Чехов в «Черном монахе» исследует степень внутренней свободы человека, проявляющейся, в том числе, и в характере его отношения к внешним обстоятельствам его жизни. Автора интересует, насколько самостоятельно каждая личность создает свою судьбу. Поэтому он описывает жизнь гения,

имевшего высокое предназначение, но столкнувшегося с другой половинкой собственного «я» - рассудительной и заземленной.

Список использованной литературы

1. Афанасьев Э. С. Феномен художественности: от Пушкина до Чехова: сб. статей / Э. С. Афанасьев. – М.: Изд-во МГУ, 2010. – 296 с.
2. Барышков В. П. Аксиология личностного бытия / В. П. Барышков; под ред. В. Б. Устьянцева. – М.: Логос, 2005. – 192 с.
3. Бенькович М. А. Из истории русского философского романа / М. А. Бенькович; отв.ред. доктор филологических наук Г. А. Белая. – Кишинев: Штиинца, 1991. – 108 с.
4. Бердников Г. П. Избранные работы: В 2-х томах / Г. П. Бердников. – М. : Художественная литература, 1986. – Т.2. – С. 241 – 322.
5. Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения: Энциклопедический путеводитель / Под общ. ред. Е. А. Цургановой и А. Е. Махова . – М. : Изд-во Кулагиной – Intrada, 2010. – 512 с.
6. Куприн А. И. Собрание сочинений: В 9 т. / А. И. Куприн. – М.: Художественная литература, 1964.
7. Линков В. Я. Проблема смысла жизни в «Черном монахе» Чехова / В. Я. Линков // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1985. – Т. 44. - № 4. – С. 340–349.
8. Одоевский В. Ф. Сочинения: В 2 т. / В. Ф. Одоевский. – М. : Художественная литература, 1981.
9. Попович А. В. Мифологические мотивы и образы в поэзии русского преромантизма: монография / А. В. Попович. – Херсон: Айлант, 2011. – 210 с.
10. Чехов А. П. Собрание сочинений: В 12 т. / А. П. Чехов. – М.: ГИХЛ, 1962.